

Н.К. РЕРИХ

**ПУТИ
БЛАГОСЛОВЕНИЯ**

Имя Николая Константиновича Рериха относится к плеяде выдающихся деятелей русской и мировой культуры. Талант Рериха был универсальным: художник, философ, путешественник, крупный общественный деятель.

Все написанное Рерихом стоит к нам ближе, чем мы считаем, и является более доступным для нас, чем мы себе это представляем. Каждое его слово поражает точностью и обдуманностью. В одном из трудов он писал: «Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно». Планетарная роль творческого наследия семьи Рериха еще не осознана и неосмыслена до конца.

Николай Рерих

На кургане

В Водской Пятине (СПб. губернии)

Кто хоть немного соприкасался с археологией и хоть один раз побывал на раскопке, тому ведомо, насколько увлекательно это дело. Обычное по сему предмету острословие: «археология – мертвечина! Пыльная наука – археология! Гробокопатели! Вампиры! Прозаики! Мумии!» – особенною остротою, боюсь, не отличается.

– Помилуйте, слышу, это до России, пожалуй, не относится; у нас-то какая же археология, разве кроме степей? Хорошо и прилично говорить об археологии в Греции, в Италии, наконец, на нашем Юге и Востоке, а здешние меланхлены и гипербореи вряд ли оставили после себя что-либо занимательное!

– Да ведь всякая местность, мало-мальски пригодная для жилья, имеет свою археологию, будет ли это Киевская, Новгородская или Петербургская губерния...

– Что такое? Скажете, что и Петербургская губерния тоже дает пищу для археолога? Подите вы! Я понимаю говорить о раскопках в Помпее, Азии, в степях, на худой конец, в Новгороде – все-таки варяги там что ли, но раскопка Петербургских курганов, да это даже не принято как-то! Точно на свалке сардинные коробки вырываете! Неужели и здесь что-нибудь может находиться? Пожалуй, одни шведские пуговицы, потерянные в Петровское время!

Действительно, зачастую древности С. – Петербургской губ. или древней Водской Пятины Новгорода пользуются в обиходе репутацией довольно сомнительной; всякий археологический памятник этой местности, о котором уже трудно сказать, что это случайная груда камней или естественное возвышение, относится ко времени шведских войн. Древние кресты Новгородского типа, обильно встречаемые на полях, – шведские. Курганы – шведские могилы; городища – «шведские шанцы». Словом, все, что несомненно принадлежит древности, – все шведское, хотя на самом деле вовсе не так.

Шведский, петровского времени, элемент играет самую последнюю роль среди древностей Водской Пятины (СПб. губ. тоже). Никто шведскими древностями этого периода не занимается и никакого интереса они представить не могут. И без них материала более чем достаточно, материала важного и поучительного. Главный контингент местных древностей составляют памятники от X до XV веков. Подробности древнерусского обряда погребения и анализ найденных в курганах предметов позволяют без большого колебания отнести эти древности к новгородским пограничным славянам. С севера давила на них Чудь и Ижора, финские племена, сидевшие на Неве и по Приладожью; на западе они граничили с Финскою Емью (эстами), на северо-западе – с небольшим, родственным эстам и тавастам, племенем водью, давшим название всей Пятине. В настоящее время Водь, или Воддьялайзет, занимает небольшое число селений в районе Петергофского уезда.

Древности эстов разработаны довольно хорошо, как и вообще все остзейские. Памятники Ижоры известны в весьма скудном количестве, а водские древности пока еще не установлены. Некоторые исследователи приписывают все местные древности вожанам, но в сущности, тип водских погребений еще не известен и может быть выяснен только новыми изысканиями. Водь племя невеликое, никогда в истории не выступавшее в сильной роли. (В 1149 году отряд Еми в 1000 человек нападает на Водскую землю и Водь может с ним справиться только при помощи новгородцев.)

Славянское соседство, кстати заметить, всегда оказывало на финнов сильное влияние, и притом влияние доброе, из летописи Генриха Латыша знаем, что, когда священник Альбрандт был послан с дружиною и рыцарями в Ливонию с предложением народу принять святое крещение, то народ ливонский бросил жребий и спрашивал у своих богов, которая вера лучшая –

псковская или латинская. Народ, очевидно, предпочел псковскую, то есть православную, и только из страха принимал крещение от западного духовенства.

Для полных заключений о С. – Петербургской губернии нужны еще новые археологические изыскания, преимущественно в пределах Петергофского уезда; хотя цифра исследованных древних погребений СПб. губ. достигла солидных размеров и превышает 6000, но этим все же нельзя ограничиться.^[1]

Среди местных исследователей первое место заслуженно принадлежит ныне покойному прозектору Военно-Медицинской Академии Л. К. Ивановскому, производившему раскопки от 1872 до 1892 года, остановленные его смертью.

Из других раскопок в СПб. губ. надо отметить раскопку Волховских сопки, произведенную Н. Е. Бранденбургом. Волховские сопки – это древнейшие курганы края; время их, судя по найденным в них предметам, относится к IX и VIII векам. Самые большие сопки имеют в высоту 4—5 сажень. Затем в Лужском и Гдовском уездах производились раскопки г. Шмидтом, Мальмгреном, слушателями археологического института и некоторыми другими.

Находками отдельных вещей СПб. губ. пока не богата. А. А. Спицын указывает некоторые наиболее важные: в 1875 году были найдены при д. Княжнино, Ново-Ладожского уезда, вместе с сассанидскими, умейядскими и табаристанскими монетами VI—IX веков 3 серебряные монетные слитка. В начале нынешнего столетия был найден громаднейший клад арабских монет на берегу Ладожского озера. Куфические монеты VII—X веков были находимы в Галерной гавани, в Старой и Новой Ладоге, около Ропши и в некоторых других местах. В Старо-Ладожской крепости была найдена золотая куфическая монета 738 года.

Находки каменного века в СПб. губ. тоже немногочисленны и приурочиваются к побережью Ладожского озера^[2] и долине р. Луги.

Местонахождение курганов, исследование которых, таким образом, представляет главную работу, находится, конечно, в связи с местом древних поселений, в свою очередь обусловленным характером местности, изрезанной непригодными для жилья моховыми болотами (прежде озерами). Главные поселения, оставившие нам обильнейшие курганные поля довольно разнообразного содержания, были расположены на ровном суходоле между Царским Селом и Ямбургом; это плоскогорье проникает в долину р. Луги, соприкасается с песчаными лесистыми верховьями р. Оредежи (Сиверская) и не доходит верст на 10—20 до побережья Финского залива. Это в северной части губернии. В южной, более возвышенной, занятой не только новгородцами и псковичами, немало удобных для поселения мест в системе озер Вердуга, Сяберское, Череменецкое, Чернозерское и др.^[3]

Состояние и внешний вид местных курганов не одинаковы.^[4] То огромными полями, поросшими мелкой ольхой и орешником, многими сотнями сплошь унижают они десятки десятин, то небольшими группами (5—20) или одиноко маячат они посреди пашни; иной раз представляют они свежие, крепкие, словно вчера сложенные конусы до двух саж. с высокой вершиной и правильной, резко обозначенной каменной обкладкой основания, в других же случаях вершина оказывается глубоко осевшею – сама насыпь осунулась, пригорюнилась или же представляется только небольшим неправильным расплывшимся возвышением, так что работники отказываются разрывать его, уверяя, что это крот нарыл. Проезжая по деревням, нередко приходится ехать по каким-то еле приметным буграм и только заезженное каменное кольцо основания напоминает об исчезнувшем кургане. Многие насыпи поросли лесом, деревья насквозь пронизали их своими корнями; невольно вспоминаются курганные сосны при деревне Черная (Царскосельского уезда): коренастые, любовно обняли они насыпи своими мощными корнями. Сосны эти хранятся преданием, что на смельчака, отважившегося рубить одну из них, напала «трясучка».

Почти возле каждой деревни можно отыскать большую или меньшую курганную группу, но, несмотря на их обилие, расспросить о них у местных крестьян подчас не легко – надо узнать излюбленные ими выражения; если вы вместо «старой кучи» спросите о кургане или бугре, то вас ни за что не поймут. Однажды вместо городка я спросил городище – и от присутствия его немедленно отказались. Среди местных названий курганов особенно употребительны: сопка, каломище (финское *salin* – погребальный холм), старая куча, шведская могилка, бугор, гора, колониистское кладбище (если погребения без насыпи). Эсты укажут вам курганы, если спросите *vana aüt*, старую могилу.

В мае, как засеются яровыми, можно приниматься за работу. Подается соответствующее прошение в Императорскую археологическую комиссию; в ответ на него получен открытый лист. Сбрасывается тесный городской костюм; извлекаются высокие сапоги, непромокаемые плащи; стирается пыль и ржавчина со стального совка с острым концом – непременного спутника археолога.

Прежде самой раскопки надо съездить на разведки, удостовериться в действительном присутствии памятника. Не полагаясь на сведения разных статистиков, перекочевываете вы от деревни до деревни на «обывательских» конях с лыком, подвязанными хомутами и шлеями. Всматриваетесь буквально во всякий камешек; исследуете подозрительные бугорочки, забираетесь в убогие архивы сельских церквей; подчас, ко всеобщему удовольствию, делаетесь жертвой какой-нибудь невинной мистификации. Местами вас встречают подозрительно:

– Никаких, ваше высокоблагородие, истари древних вещей в нашей окрестности не предвидится. Все бы оно оказывало.

– Сами посудите, барин, откуда мужику древние вещи взять? Ни о каких древних вещах здесь и не слыхано.

Если же вы пришли по нраву, оказались «барином добрым», «душой-человеком», то вам нечего будет принуждать к откровенности собеседников. Вечером, сидя на завалинке, наслушаетесь вы любопытнейших соображений, наблюдений естественно-научных, поверий, наивных предположений. Сперва из осторожности прибавят: «так, зря болтают» или «бабы брешут», а потом, видя ваше серьезное отношение, потечет свободный рассказ о старине, о кладах, о лихих людях-разбойниках.

Но не дай Бог попасть в руки книжного волостного, писаря или словоохотливого попа; тут каждое дельное сведение придется покупать ценою выслушивания бесконечных замысловатых повествований:

– По одну сторону речки-то полегло славянство – гвардия, народ рослый, а по другую-то – мордва и черемисы. Черепа недавно еще находили. А вот в Лохове не так давно были ступени плитные древнейшего храма языческого, а поблизости нашли сруб, из него разные предметы добывали. В настоящее время ступени выломаны на плиту, а сруб завален камнями – известно: дурак народ!

– Степи! Степи! – восклицает другой, – знаете ли вы, господа археологи, откуда степи взялись? Неужто так и сотворил Господь Бог плешину на лоне земном? Изволите видеть этот пол? Вот окуроч, вот крошки, вот лепешка из-под каблука и везде пыль. Беру я теперь эту метлу и провожу по полу – ни окурочков, ни грязи не бывало. Провожу еще раз – крошки исчезли. Махнем в третий – и пыли не видно, разве где по щелкам забралась – по овражкам кустики. Идут это по земле гуннские народы; идут еще... готты, вандальцы! Невесть кто идет: и печенеги, и половцы, и татары; чище всякой метлы или щетки отполируют, выскребут на удивленье, – пылинки в щелке не оставят, кустика не увидишь! И кого только не носила мать сыра-земля. Много, как говорится, не снилось мудрецам! Столько сокрыто в недрах земных; вот хоть бы сопки, что подле Заполя, на самих огородах; скажу? довольно достопримечательные вещицы находили там очень фили... фили... как это говорится-то?

– Филиграновые или филистерские?

– Вот, вот именно!

– Да, занятное дело – старинное время, – повествует третий, – все-то разгадать, все-то произойти! Как вы полагаете, что такое райское блаженство будет? Это, как вам сказать, вечное

беспрепятственное познание, недоступное для нас в настоящей суетной жизни. Одни-то будут познавать – наслаждаться, блаженствовать, а другие-то зубы на полку, что на земле узнали, того и хватит. Коли ваше желание будет, интересное местечко могу я вам указать. Изволите ли вы знать городок подле Селищенской деревни – ну, просто скажу, бугор такой немалый. А рядом с ним и сопочка кругленькая, на восточную сторону. Жил в этом городке задолго когда-то князь не князь, а князек. Была дочка у него красавица. Красавица такая – теперь таких и не найдешь! Известное дело, нонче какой народ пошел – мозгляк! Прежде не то было – богатыри, что твой Илья Муромец. Только не знаю с чего, возьми заболеет красавица эта, да и отдай Богу душу в этом самом городке. Ее похоронили знатно. Ведь и тогда небось франтихи были, что и теперь. А князек-то не пожелал больше в этих местах жить. Сопочка-то подле самого бугра, еще ручей Черченом называется...

Повыудив что можно дельного изо всех подобных рассказов, вы приступаете к самой работе.

Грудой почерневшего леса и побурелой соломы раскинулась невеликая деревенька. Часа четыре утра. Петухи перекликаются. Пастух затрубил – выгоняют скотину. В сенах, слышно, вздувают самовар; кто-то пробежал босыми ногами. Староста – у него вы остановились – будит вас. Стекла запотели – свежо на дворе. Зубы самовольно выстукивают что-то воинственное. Вы вздрагиваете, умываясь холодной водой. Народ уже собрался. Ломы, кирки, лопаты, топоры – необходимые раскопачные снаряды – все в исправности. Потянулась шумная гурьба к курганам, что раскинулись невдали от жилья. Небо без облачка. Из-за леса сверкает солнышко. Приятно бодрит студенький утренник.

Весело!

Из деревни много люду идет за нами сами по себе – посмотреть. Авангард мальчишек на рысях далеко впереди. Не знаю, какое другое дело возбуждает такое же неподдельное любопытство, как раскопки и рассказы о древностях. Ни горячая страда, ни жара, ни гроза – ничто не осилит его.

Пока идет незанимательная работа вскрытия верхней части насыпи, говор гудит не переставая.

– Слышь ты, тут шведское кладбище!

– Ну да, известно, не русское; русские так не хоронят.

– Дядя Федор, – толкает бойкая, задорная девка-копальщица, – здесь колонисты?

– Вот я-те выкопаю колониста, в аккурат будешь!

– Чтой-то тут испытание никак? – шамкает древний дед, пробираясь в толпе.

– Слышь, дедушко! Котел нашли с золотом. Каждому мужику по 100 рублей выдавать будут, а деду не дадут.

– Это дедке могилу копают, – толкает деда баловница-девка, – и ложись, дедка, тут тебе и попоем!

– Эх, эх и нас-то, поди, раскопают. Косточкам-то успокоиться не дадут!

– Так не найдете, – советует пожилая баба, – в Семкине солдатский доктор бугры перекапывал, так у него живое серебро было. Наставит он его на могилу, оно побежит, побежит, да и станет, и где станет, там и копай. И всегда находили.

– Да что находили-то, дура баба, разве дельное. Одну только серебряну цепочку нашли!

В стороне слышится тихий разговор.

– В Красной одного сидячего нашли; рядом ложка чугунная положена и ножик. В головах-то горшок.

– Только поужинать собрался, а тут его и накрыли!

– В Хлебниковой даче мост оказался через Ржавую мшагу, на сажень его туда засосало. Слышно, там война шла. Вот потопнуть-то можно...

– А вот мы заправду чуть не потопли. Приходит ко мне это раз Васька Семенов; слышь ты, говорит, нашел я сопку у Вязовки, невдали от Княжей Нивы. Кругленькая, хорошая сопка и огонек по ней порхает. Клад – непременно. Собьем-ка артель, да раскопаем. Вдвоем-то неспособно: и сопка-то больша, в сажень казенную будет, да, пожалуй, и страхи пойдут. Ладно! Сбили мы артель, пошли. Сопка правильная и от речки недалеко. И насыпана она неспроста: кругом выложена камнем, сверху песок да земля; потом прутняк – уже перегной. За ним хвощ да гнила. Дерево сгоревшее и негорелое. Видим – уже грунт показался. Васька щупом хватил вниз – слышит грох – дерево значит. Хватил правее – звякнуло что-то, значит, близко. Свечерело уже. Только смотрю я, сочитя с боков вода и снизу точно проступает. Васька и Федор нагнулись,

руками щупают – нащупали дерево, тянут наверх – не идет, будто держит его. Еще потянули, глядят – старая-престарая доска – соевши вся. И хлынула из-под той самой доски вода. Ключ открылся, пошла садить; уж не то что клад – сами-то рады из ямы выбраться. Ударишь щупом – звякает что-то, котел что ли!

– Так и не допустила вода?

– Еще бы тебе допустить. Оно ведь тоже зачатые какое положено! Вот в Березовском пруде золотая карета, ^[5] да 5 стволов золота опущено, старики в ясные дни еще видали чуть-чуть! А поди-ка выгаци. Всем знатко, а не взять, потому зачатые, зарок. – А вот Петра из Красной, тот так взял клад.

– Поди ты взял, брешет твой Петра; может он и нашел чугунок старый, что пастухи бросили, да только...

– Да что только-то, ведь не сам он, а дельные люди сказывают, что и впрямь взял.

– Пуце разбогател Петра, как и не у нас грешное тело из локтей смотрит. Богатей!

– Впрок ему не пошло, значит – зарок не знал.

– Господин, евося будто косточка под лопатой оказывает, – докладывает один из копальщиков.

Спускаюсь в яму. Пахнуло свежерытой землей; посвежело после припека, – солнце уже высоко. Действительно, из-под лопаты торчит желто-бурая берцовая кость; торчит среди такого же точно песка, как и вся масса насыпи, словно бы она всегда была только костью без верхних покровов.

Кость вполне определила положение костяка. Работа пошла осторожней. Обнаружились руки, сложенные у лонного соединения; предплечье окислилось, позеленело – признак близости бронзы, которая и оказывается в согнувшейся тонкой, витой браслетке.

– Браслетка! Смотри-ка, эка штучка-то аккуратная! Тоже изделие! – проносится среди любопытных, и, давя друг друга, вся ватага устремляется к кургану, жметя к вершине.

В яме потемнело. Зола, на которой лежат кости, кажет синее: строже глядит череп земляными очами. Нижняя, удивительно развитая челюсть далеко отвалилась с осевшею землею в сторону. По бокам черепа показались височные кольца добрых вершка два по диаметру.

Летят комки земли. Мужские костяки чередуются с женскими. Долихокефальные черепа сменяются брахикефальными. Вместо копий, топоров, мечей, умбонов, щитов являются гривны, серьги, браслеты, кольца, бляшки, многоцветные бусы, остатки кос. Полное трупосожжение уступает место погребению в сидячем положении. Высокие курганы заменяются жальничными клетками (погребение в могиле без насыпи). Разнообразие нескончаемое!

Щемяще-приятное чувство первому вынуть из земли какую-либо древность, непосредственно сообщиться с эпохой давно прошедшей. Колеблется седой вековой туман; с каждым взмахом лопаты, с каждым ударом лома раскрывается перед вами заманчивое тридцатое царство; шире и богаче разворачиваются чудесные картины.

Словно бы синее становится небо. Ярче легли солнечные пятна. Громче заливается вверху жаворонок; привольное поле; зубчатой стеной заслонил горизонт великан лес; встал он непроглядными крепями, со зверем – с медведями, рысями, сохатыми. Стонут по утрам широкие заводы и мочежины от птичьего крика. Распластались по поднебесью беркуты. Гомонят журавлиные станицы, плывут треугольники диких гусей. Полноводные реки несут долбленные челны. На крутых берегах, защищенные валом и тыном, с насаженными по кольям черепами, раскинулись городки. Дымятся редкие деревушки. На суходоле маячат курганы; некоторые насыпи поросли уже зеленью, а есть и свежие, ровные, со стараньем обделанные. К ним потянулась по полю вереница людей.

У мужчин зверовые шапка, рубахи, толстые шерстяные кафтаны, по борту унизанные хитрым узором кольчужным, быть может, ватмалом.^[6] На ногах лапти, а не то шкура, вроде поршней. Пояса медные, наборные; на поясе все хозяйство – гребешок, оселок, огниво и ножик. Нож не простой – завозной работы; ручка медная, литая; кожаные ножны тоже обделаны медью с рытым узором. А другой, ничего что мирное время, и меч нацепил, выменянный от полунощных гостей.^[7] На вороту рубахи медная пряжка. Пола кафтана тоже на пряжке держится, на левом плече; кто же побогаче, так и пуговицы пряжкой прихватит.

На предплечьи изредка блестит витой медный браслет. На пальцах перстни разные, есть очень странного вида, с огромным щитком, во весь сустав пальца. Заросли загорелые лица жесткими волосами, такими волосами, что 7—8 веков пролежать им в земле нипочем. А зубы-то, зубы – крепкие, ровные.

На носилках посажен покойник, в лучшем наряде, тело подперто тесинами. В такт мерному шагу степенно кивает его суровая голова и вздрагивают сложенные руки. Вслед за телом несут и везут плахи для костра, для тризны козленка и прочую всякую живность. Женщины жалобно воют. Почтить умершего разделись они; много чего на себя повешали. На головах кокошник, венчики серебряные с бляшками. Не то меховые, кожаные кики, каптури, с нашитыми по бокам огромными височными кольцами; это не серьги – таким обручем и уши прорвешь. Гривны на шее; иная щеголиха не то что одну, либо две-три гривны зараз оденет: и витые, и пластинные, медные и серебряные. На ожерельях бус хоть и немного числом, но сортов их немало: медные глазчатые, сердоликовые, стеклянные бусы разных цветов: синие, зеленые, лиловые и желтые; янтарные, хрустальные, медные пронизки всяких сортов и манеров – и не перечесть все веденецкие изделия. Еще есть красивые подвески для ожерелий – лунницы рогатые и завозные крестики из Царьграда и от заката.

На груди и в поясу много всяких привесок и бляшек; вместо бляшек видны и монеты: восточные или времен Канута Великого, епископа Бруно. Подвески-собачки, знакомые чуди, ливам и курам; кошки – страшные с разинутой пастью, излюбленные уточки, ведомые многим русским славянам. У девок ниже пояса на ремешках спускаются эти замысловатые знаки, звенят и гремят на ходу привешанными колокольчиками и бубенчиками; священный значок хранит девку.

На руках по одному, по два разных браслета, и узкие, и витые, и широкие с затейливым узором. Подолы рубах, а, может быть, и ворот обшиты позументиком или украшены вышивкой. У некоторых женщин накинут кафтанчик на манер шушуна, но покороче.

Опустили носилки. Выбрано ровное местечко, убито, углажено, выложено сухими плахами. Посредине его посажен покойник; голова бессильно ушла в плечи, руки сложены на ноги. Сбоку копье и горшок с кашей. Смолистые плахи все выше и выше обхватывают мертвеца, их

заправляют прутняком и берестой – костер выходит на славу. Есть где разгуляться огню! Зазмеился он мелкими струйками, повеяло дымом. Будто блеснуло из полузакрытых век. В последний раз осветилось строгое, потемневшее лицо... Вдруг щелкнуло. Охнул костер, столбом взлетели искры, потянулись клубы бурого дыма.

Загудела протяжная, тоскливая погребальная песня. Отпрянул в сторону ворон, зачуявший смрад горелого мяса. Важно и чинно уселись кругом именитые родичи, понутив на посохи седые головы. За ними столпились другие, пока весь костер не обратится в кучу углей и золы и с черными пятнами жира в середине. Тогда заработают заступы, понесут землю и пригорошнями и подолами. Втроем, вчетвером покаты к кострищу немалые валуны гранитные; их много по окрестной равнине: серые, бурые, красноватые, всяких размеров – дары Силурийского моря. Обровняли края кострища, чтобы представляло оно довольно правильный круг. В былых ногах и головах ушедшего к предкам, ставшего чуром блаженным, кладутся особо большие дикие камни и приходится они всегда на восход и закат, ибо лицо умершего всегда обращалось в священную сторону, откуда весело кажется миру вечный могучий ярило – красное солнышко, от него идут блага тепла, а с ним плодородия.

Быстро растет возвышение; насыпь сыплют не из разной, какой попало земли, с корнями, с сорными травами, а из чистого песка или плотного суглинка. Если же захотят на вечные века сохранить память о родиче – не поленятся весь погребальный холм сложить из дерновой земли. Наносят воды из соседней реки, смочат его, так уплотнят, словно бы чуют, что когда-то чужие ломы и кирки будут добираться до родного праха. Ну дерновая насыпь может постоять за себя; вместо широкой реки с ярами и обрывами чуть примятая сухая ложбинка; свалился старик-бор, а насыпь все победно держит высокую вершину, будто чур ходит за ней, бережет ее.^[8]

Сложили насыпь, аршина в два вышиной. Довольно. Пеплом еще засыпали, принесли его с собой из дому; от родного очага не отлучился бы чур-домовой. Сверху еще землей забросали, выровняли правильный конус, поправили валуны в основании, чтобы одинаково торчали. Заботливо обошли кругом, разок посмотрели. Готово!

В почерневшее вечернее небо, в косматые облака опять понеслись струи бурого дыма; заблестели яркие точки костров. Идет тризна. Заколот козленок, над огнем медные котлы повешены. Поминают родича и досидят, пожалуй, пока и месяц из-за леса глянет и светом своим заспорит с кровавым пламенем. Страшней и мохнатей кажутся волосатые лица, жиром блестящие бороды, губы и мускулистые руки. Звенят о кости ножи, брякают черепки горшков – опять, теперь в ночной тишине, вдаль потекла поминальная песня.

Блестит заходящий месяц на рукояти меча, сверкает на бусах и гривнах; мутными пятнами рисуются белые рубахи уходящих домой поминальщиков. Не умрет добрая слава покойного! Где же ей помереть? Велик его род; вечно будет от времени до времени правиться тризна; не забудут досыпать осевшую насыпь! Реют, неслышно спускаются на остатки еды, на козлиные кости вещи вороны, и они справят тризну.

Из-под облака все видит ворон; смотрит поверх высокого тына городка, что торчит на соседнем бугре. Светлой лентой извивается быстрая речка, один берег ровный, покрытый сочной травой и чащью, другой берег высокий, к реке спуски крутые, обвалы – песчаные и глинистые оползни! В речку впадает студень ручей, тоже немаленький. Слили они, с двух сторон охватили вплотную продолговатый холм, вышина его по откосу сажени 4—5. В редком месте природа создает такую искусную защиту! На этом холме и поставили город. Отсчитали от мыса шагов сотни две, перерыли холм канавой, рвом – землю сложили валом; на валу тын поставили из славных рудовых бревен; концы обтесали, натыкали на них черепа звериные, а то и людские на устрашение врагу! По углам срубы поставили, покрыли их соломой и речным тростником. Состроили вышку – смотреть и наблюдать за вражьими силами или чтобы поднять на ней высокий шест с привязанным пучком зажженной соломы, окрестность повестить об опасности. Город – место военное, в мирное время тут не живут. Видел ворон и другое! Видел, как пылал тын города, шла сеча! Грызлись и резались насмерть! Напрасно варом кипящим обливали напавшую рать: город пал! Помнил это ворон – пировал он тут сыто.

Пировал он также остатками богатой яствы, что бывала на лесных холмах, далеко от жилья, куда собирались люди молиться, приносить жертвы богам. Уже и кресты были на шеях, а все посещались давние излюбленные места.^[9]

И клады знакомы воронам! Не найдешь их, коли тебе не ведомы древние книги и записи, что о них говорят. Писали те книги старые люди. Клады лежат по укромным местам. Знают наказы о кладах не только вороны, но и многие старые люди, а кладов все не найдут. Верно, положен на них кровавый зарок.^[10]

Видели вороны и дубы старинные, развесистые; собираются под ними окрестные люди вершить мирские дела? Собираются и в праздники: сидят старики на могучих корнях. Молодежь ведет хороводы, в лес, за ближнее озеро несется:

«Ой дид, ладо...»

Под Ивана Купалу ярко горит здесь купальский огонь, прыгают через него парами; освящает огонь эти пары на вечный союз. Исконный обычай.^[11]

Еще известны предания о провалившихся церквах, о землянках разбойников; в погосте Грызове Царскосельского уезда рассказывают, что основание существующей церкви положено Петром Великим, после какой-то стычки собственноручно поставившим на этом месте деревянный крест. Как видно, и прозаическая С. – Петербургская губ. тоже занимается своей стариной, не говоря уже о прекрасных памятниках Екатерининского и Александровского времени.

Возвращаясь к курганам, нельзя не заметить, что в них особенно ярко отличаются два периода. Первый – XI—XII веков; второй – XIII и XIV. Первый период характеризуется полным трупосожжением или погребением несожженного костяка в сидячем положении, причем подробности погребения мы уже видели.

В верхней части насыпи встречаются последовательные слои золы, иногда перемешанной с костями жертвенных животных; неизвестно, следы ли это погребального обычая, требовавшего переслойки золою насыпи во время самого ее устройства, или же это остатки тризны. Если только это следы тризн, то первоначальная величина насыпи со временем сильно выростала благодаря насыпанию свежей земли над золою. Насыпи с полным трупосожжением доходят до нас в виде полушаровидных, очень расплывшихся возвышений, со втянувшимися внутрь валунами основания. Погребение в сидячем положении дает довольно хорошо сохранившийся курган, но с осевшей вершиной, опустившейся при оседании костей.

Второй период (XIII и XIV веков) характеризуется перемещением трупа в сидячем или лежащем положении в неглубокой грунтовой могиле. Чтобы сохранить для погребаемого требуемое обычаям положение, рыли небольшую овальной формы яму такого размера, чтобы труп мог поместиться в ней сидя, или складывали соответственную кучу камней, для этой же цели служили иногда и деревянные плахи. Труп забрасывался вынудой из ямы землей и песком, после чего образовавшееся небольшое возвышение посыпалось остатками поминок и углей, затем воздвигалась насыпь с каменным кольцом в основании, причем на в. и з. (в головах и ногах) помещались валуны особо большой величины. К этому же периоду должны относиться погребения выше материка и погребения в лежащем положении на поверхности земли, причем зольный слой основания перерождается в две зольные кучки по бокам головы. Наверху курганов описанных типов второго периода нередко были поставлены каменные четырехконечные кресты так называемой новгородской формы.

В группах курганов XIII и XIV веков встречаются погребения в грунтовых могилках без верхних насыпей; в ямах, окаймленных по краю линией валунов. Несомненно, что подобные каменные могилы (или, как их народ называет, мѳгилы), есть перерожденные курганы.

Сделанные описания представляют собою только грубую схему, на деле же встречается разнообразие удивительное. Живо представляешь себе заботливые попечения родичей об умерших. Одни стараются отметить прах его особо великими валунами; другие выкладывают всю поверхность насыпи мелким бульжником, третьи, устраивая курган, сажают покойного на чурбан и подпирают его досками. Яркую картину рисует указанное Ивановским погребение, где рядом с мужским костяком оказался женский, на черепе которого была огромная рана, нанесенная топором, или встреченный мною случай, в котором мужской череп, покрытый старыми боевыми рубцами, был просечен, а по правую руку помещался женский костяк.

Сколько таинственного! Сколько чудесного! И в самой смерти бесконечная жизнь!

Предметы, найденные в курганах, мало отличаются от соседних земель, прибалтийских местностей в особенности, техникою, формою или разнообразием типов; однако мы видим живой обмен и можем установить существование промыслов.

Кроме вышеотмеченных предметов, надо упомянуть еще несколько подчеркивающих характер древнего обихода XI—XII веков. Пуговицы очень редки и все имеют обыкновенный тип, грушевидный с ушком. Пряслицы из красного шифера; по форме и материалу они совершенно тождественны с таковыми изделиями курганов Днепровского бассейна. Вески, начиная с X века, попадают на широком пространстве.

В смысле окрестных аналогий, такой же обряд погребения, как и в Петербургской губернии, встречен в Псковской, Витебской, Смоленской, Новгородской и некоторых других губерниях. Из древностей, известных в Северной и Средней России, предметы, найденные в курганах Водской Пятины, имеют близкое отношение к находкам, обнаруженным в курганах Новгородской, Тверской, Костромской, Ярославской и Московской губернии. Нельзя изумляться обильному присутствию древностей эстов, ливов, куров, чуди приладожской и финляндской, а также элементам восточному и скандинавскому.

В Новгородской области, с Поморья, вдоль берегов Балтийских губерний, по Волхову и Ильменю, шел великий водный путь торговый, путь дружин из «Варяг» в «Греки». Вспоминая постоянную восточную, цареградскую струю и приток с севера культуры скандинавской становится ясным разнообразие культурных влияний в области новгородских славян, пожалуй, не уступающих в этом отношении югу, так что однообразного состава и единоплеменного происхождения нельзя и искать среди предметов из курганных насыпей С. – Петербургской губернии, исследование которых еще никак нельзя считать законченным; теперь остается детальная работа, выработка мелочей, усиливающих общую картину.

От кургана до кургана, от группы до группы перебираетесь вы. Та же благодушная толпа, те же прибаутки и шуточки. Солнопек сменяется прохладным дождиком. Чаше шумит ветер, дорога начинает бухнуть и киснуть; листья желтеют, облака висят над горизонтом сизыми грудями – осень чувствуется. Лучшая пора для раскопки – май, июнь до Иванова дня, до покоса, и затем август, после посева, и часть сентября.

Похудели тюбики красок, распухли альбомы и связки этюдов, наполнился дневник всякими заметками, описаниями раскопок, преданиями, повериями; может быть, и песня старинная в дневнике записана, если только ей посчастливилось не изломаться на отвратительный солдатский или фабричный лад. Там же Помянуто добрым словом фарисейство какого-нибудь представителя местной администрации в смысле охранения памятников старины; отмечено и разрушение интересных могильников при прокладке дороги. Много всякого материала, вырастают картины, складываются образы. Пора к дому!

После чистого воздуха окунулись вы в пыльное купе вагона; едкий дым рвется в окошко; фонари и пепельницы выстукивают какие-то прескверные мотивы. Не веселят ни господин в лощеном цилиндре, с удивительно приподнятым усом, ни анемичная барышня в огромной шляпе, украшенной ярким венником.

Тоскливое чувство пробирается в сердце.

Если существует ряд предметов, позволяющих нам хоть на минуту вынырнуть из омата обихода, заглянуть подальше палат и повыше гигантских фабричных труб, то археология не может не иметь места в подобном ряду.

1898

А. А. Спицын. «Курганы СПб. губ. в раскопках Л. К. Ивановского». СПб., 1896 г. и мои рефераты в Императорском Русск. арх. общ.: «Раскопки последних лет в курганах Водской Пятины» (1896), «Раскопки 1897 г. в курганах СПб. губ.», «Новые данные о курганах СПб. губ.» (1898), «К вопросу о типах погребения в СПб. губ.» (1898).

Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб, 1882.

А. А. Спицын. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении («Записки Имп. Русск. археол. общ.»).

Особенно страдают полевые группы при пахоте.

Предание о золотой карете обще всей местности. Очевидно, как предания о вольнице повлияли на Поволжье в смысле зарытых лодок с золотом, так присутствие высоких особ дало повод к розыскам золотой кареты.

Ткань, которой торговали исландцы XII века.

Скандинавского типа.

Насыпи, сложенные из дерновой земли, отличаются удивительной прочностью. Каждый ком земли приходится брать энергичным ударом лома. Дерновая земля чаще встречается в волховских курганах. Суглинок тоже довольно стойко держится.

Схема описания городка взята с натуры. В Царскосельском уезде существует именно такой городок. На валу раскопкою обнаружены остатки сожженного оборонительного сооружения, тына. На самой площади городка, теперь густо поросшей лесом, оказалось только несколько грубо сложенных очагов. Следов жилищ вовсе не найдено. По всей окрестности известны многие лесные холмы, обыкновенно обильно покрытые камнем; на глубине $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ арш. находится обильным уголь и зола. Предметов на подобных холмах не найдено. Про них в народе ходит смутное предание, что «тут что-то было», «собирались молиться».

Такие записи кладов действительно ходят в народе. Мне один мужичок предлагал купить такую книжку, купленную им от старого нищего. Рукопись была писана на русском, польском и эстонском языках. Внешние даты, по-видимому, списаны с натуры.

В Царскосельском уезде указывают места, где по преданию некогда стоял огромный дуб, под которым собирались из местных поселений. Место красивое, высокое; недалеко озеро, судя по берегам, бывшее прежде значительно больше. Раскопкою обнаружены сгнившие остатки толстых дубовых корней, на некотором от них расстоянии найдены груды золы толщиной до $\frac{1}{2}$ арш. – места старинных костров. В золе оказались черепки горшков, если не соответствующих таковым от XII века, то все же далеко не современного строя. По словам верных людей, бывший старик, умерший лет 20 назад, помнил остатки этого дуба, к нему собирались по праздникам хороводы водить. Если это так, то как долго прожил древнейший славянский обычай!